

Н.Н. Русов в процессе работы над творческой биографией В.В. Розанова (по материалам Отдела рукописей РГБ)

© А.В. Ломоносов

Российская государственная библиотека, Москва, 119019, Россия

Установлено первенство писателя Н.Н. Русова в работе над творческой биографией знаменитого философа В.В. Розанова с помощью материалов архива Розанова из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. Письма Русова указывают на детали процесса создания биографии. Сделана попытка определить профессиональную принадлежность Русова. Указаны параллели в жизни биографа и предмета его исследования. Прослежена хронология развития отношений литераторов. Указаны временные рамки получения писателем книг Розанова от автора для создания биографии. Русов наряду с Розановым был одним из инициаторов коллективного труда над незавершенным Словарем русских мыслителей. Приведены факты процесса начала работы над изданием Словаря. Прослежены моменты включения в работу второго биографа Розанова Э.Ф. Голлербаха и издателя Г.А. Лемана. Отмечен элемент соперничества между биографами мыслителя.

Ключевые слова: Н.Н. Русов, В.В. Розанов, биография философа, Словарь русских мыслителей, Э.Ф. Голлербах, Г.А. Леман

Подобно тому как литературная деятельность В.В. Розанова не умещается в справочно-информационных изданиях в рамках одного определяющего термина, многие почитатели его таланта тоже являются личностями многогранными. Николай Николаевич Русов (1884–1942) был одним из них. Одни исследователи определяли его исключительно как литератора, философа, другие отмечали многогранность историко-философских познаний. Разносторонний охват интересов этого человека не позволяет вычеркнуть его сегодня из сложного процесса культурной жизни России.

Настоящая статья призвана обратить внимание на исследование творческого наследия Русова в качестве первого биографа Розанова. Заявленная тема не являлась ранее предметом специального исследования. Для подробного рассмотрения проблемы впервые были привлечены письма Русова из фонда Розанова, переданные адресатом еще при жизни в хранилище Румянцевского музея. До настоящего времени первым биографом великого философа было принято считать юного искусствоведа Э.Ф. Голлербаха. Возможно, причиной забвения Николая Русова стал разлом в социуме, происходивший на его глазах и красной нитью прошедший через всю его жизнь.

Русов — писатель, критик, переводчик, разносторонне развитый сын серпуховского бухгалтера, считавшего себя потомком незаконнорожденного отпрыска князя Урусова (отсюда происхождение фамилии) по отцу. Еще будучи гимназистом, Русов увлекся идеями славянофилов и творческим наследием Н.Н. Страхова и Н.Я. Данилевского, к которым Розанов обратился уже после окончания университета.

С 1902 г. юный серпуховчанин начал учебу на историко-филологическом факультете Московского университета, там же, где в свое время обучался его любимый философ-современник Розанов. Однако завершить обучение Русову удалось только в 1916 г. Это случилось из-за скандала с невнесенной вовремя платой за обучение и отчисления в 1906 г. В университете он участвовал в Религиозно-философском обществе им. В.С. Соловьева, которому Розанов также симпатизировал.

Свою первую опубликованную книгу по эстетике «О нищем, безумном и боговдохновенном искусстве» (1910) Русов посвятил Розанову: «С чувством робости, удивления и благодарности посвящает эту книжку Василию Васильевичу Розанову автор. Москва. 1910 г.». Он подарил книгу философу. Можно согласиться с утверждением Н.А. Богомолова¹ [1], что именно это событие во многом «послужило поводом для их личного знакомства» [2, с. 395].

Знаменитый мыслитель отправил Русову письмо с благожелательным отзывом о публикации. Для него это стало неожиданным сюрпризом, или, как он сам сформулировал свои чувства в ответном письме от 17 марта 1910 г., «несколько неожиданной приятностью» [2, л. 2]. Начинаящий литератор попросил Розанова выслать ему почтой его первую философскую книгу «О понимании» (1886), а со своей стороны обещал отправить собственную литературную повесть «Александр Невский». Розанов согласился исполнить просьбу, но, видимо, забыл. При напоминании об обещании Русов просил уже не саму книгу, а именно экземпляр, в котором автор надписал «эдакое предисловие» и исправил первую главу [2, л. 8].

Судя по дальнейшей корреспонденции, Русов начал писать исследование о философском трактате Розанова. На открытке от 15 июня 1912 г. Русов сообщил, что «свои записки (относящиеся к книге «О понимании» — *А.Л.*) я в некоторых местах уже не понимаю...» [2, л. 9]. Спустя 6 дней в следующем письме он повторно признается в этом огорчительном факте. Но в данном послании важнее другое. Отсюда впервые можно узнать, что Русов принялся за работу над очерком о литературно-философской деятельности Василия Васильевича

¹ К сожалению, покойный исследователь не использовал при подготовке своей обстоятельной энциклопедической статьи писем Русова к Розанову. Постараемся в настоящей работе восполнить существующий пробел.

для печати, а книга от автора необходима для завершения собственного историко-философского очерка о Розанове.

Автора будущего очерка интересовали в первую очередь главы о художественном творчестве и об искусстве. Когда Русов наконец получил многократно запрашиваемую книгу, то высоко оценил самое раннее философское произведение Розанова. Русов признавался философу, что постоянно погружен в размышления о проблемах эстетики. Он отмечал необычайную актуальность мыслей из философского трактата Розанова для современной жизни: «Ваш такой деликатный (по тону) и такой же как бы простой (по форме) анализ художественного творчества поистине *классичен*. И будь оно в широком ходу ... сколько бы излишних недоразумений оно рассеяло. Вы говорите: “как кажется”, но, ведь, действительно — художественное творчество состоит в стремлении освободиться и т. д., действительно, исходит из внутреннего мира человека и т. д. Непроизвольность, самоопределяемость как внутренние черты творчества, и вечность и всеобщность (у вас универсальность) искусства как его объективные черты — не сюда ли должно устремиться все внимание исследователей. Да оно теперь и устремляется в эту сторону. Вы и дальше освещаете именно тот круг идей, в котором завершились все эти гг. из Мусагета и Аполлона. Их бы сунуть челом в Ваше “О понимании”!» [2, л. 12, 13]. Критик обнаружил для себя в раннем трактате Розанова «разгадки и Достоевского и Островского, быта и психологии, характера и типа» [2, л. 13].

Судьба литературно-философского очерка Русова, разбиравшего книгу «О понимании», была безрадостна. Только в 1918 г. он поместил несколько статей в московской газете «Мир» и в одной из них напечатал отрывок из письма Розанова о его книге «О понимании», назвав в выпуске от 4 октября всю философию В.С. Соловьева в сравнении с трактатом Розанова ординарной.

Философ встречает подтверждение единомыслия по многим направлениям в отношении литературы в письме Русова от 23 февраля 1912 г. В нем также выражена обоюдная симпатия корреспондентов. Пришедший в конце жизненного пути к поддержке существующей политической системы, в годы бойкотирования Розанова со стороны левой и либеральной печати Русов выражал солидарность мыслителю с его правоконсервативными взглядами. Литератор пытался поддержать философа в тяжелые дни нападок на него в печатных изданиях («все эти газетные истории вокруг Вашего имени» [2, л. 3]).

В 1912 г. Русов был пару раз проездом в Петербурге. Один раз даже встретил философа в церкви на прощании с Сергеем Федоровичем Шараповым, узнав Розанова по портрету Льва Бакста, который видел раньше в Третьяковской галерее. Но пообщаться с глазу на глаз им так и не удалось.

В письме от 18 мая 1912 г. Русов дал высокую оценку последним статьям Розанова «Атеизм “с разрешения начальства”...» [3] и «Годовщина В.О. Ключевского» [4], опубликованным в газете «Новое время» от 11 и 16 мая.

Розанов в рецензии на роман Русова «Любовь возвращается», опубликованной в газете «Новое время» от 10 февраля 1913 г., писал: «Н. Русов, автор романа “Озеро” ... напечатал новый роман <...> Сказалось здоровое чувство автора: поворот юного духа от декадентских вывертов и от разбойно-сутенерских ухваток и вкусов господ “в косоворотках” к провинции и к старине. В двух ослепительно ярких сценках он нарисовал здесь зал заседаний “Религиозно-философского общества в Петербурге”» [5, с. 25].

Роман был посвящен жизни глухой провинции с ее медлительным образом жизни.

Литературные произведения Русова пользовались до революционных потрясений 1917 г. большой популярностью. Ранние романы писателя являлись образцом яркого воплощения в печати идей славянофилов Н.Н. Страхова и Н.Я. Данилевского. Автору удавалось мастерски вставлять в канву литературного вымысла портреты знаменитых современных литераторов. Главные герои сочинений начинающего прозаика напоминали, как правило, самого писателя. В романе «Отчий дом» (1911) были представлены замечательные литературные портреты Л.Н. Толстого, Д.С. Мережковского, Вяч. Иванова и скульптора С.Т. Коненкова.

В романе «Золотое счастье» Русов ввел себя под именем литератора Зета, собиравшегося писать о Розанове, который поразил его уникальностью своей открытой, как ему казалось, до бесстыдства и полного оголения, проникающей во все тайны мироздания душой. «Душа, носимая, разрываема добрыми и злыми духами, есть современная душа, страдательная, томимая, восприимчивая, как ртуть, но любящая и благословляющая жизнь, — чужую. Зет подробно знает его деятельность почти за тринадцать лет <...> Зет обжигает себе сердце и как бы все внутренности его статьями <...> в которых он вкрадчиво защищал мир от христианства <...> Едва его впустили в переднюю, как он увидал слева от себя в открытой двери писателя с оттопыренными рыжими волосами, который полоскался над умывальником, как утка, и сиял Зету красной физиономией. <...> Василий Васильевич рассказывал о своих детях. Совсем он не умеет говорить! Ищет как-то слова, мнет их сквозь губы, — а тот же, тот же! Столь же удивительный разговор, что и письмо. Зет понял, почему он пристрастен к ударениям, кавычкам, курсивам, — он все это выражает глазами, улыбочкой, ужимками. <...> Живыми чертами рисовал их, и Мережковского, и Рцы, и Суворина-старика, и Страхова, Льва Толстого,

Победоносцева. А сам так смирененько покуривал, да покуривал, а набивал папиросы табаком. Щурился... Увлёкся Достоевским и прочитал две страницы. Повел Зета по книжным шкафам, показывал редкие книги или старинные, <...> улыбался своим монетам, вынимал их и клал на место, как образки. <...> Он своеобразен в высокой мере, привлекателен, но на чем все это вертится? Не видать никакого стержня. Что-то гибкое, разностоставное, хаотическое, есть краски, но нету рисунка — и, вообще, есть ли он личность? Именно Василий Васильевич Розанов?... Не расстилалась ли передо мною стихия, или одна из стихий нашей души, русской души, современной души? Недаром его писания не убеждают, а так соблазняют, точно дурман, разъедающий и расслабляющий» [6, с. 49, 51–54]. Помимо Розанова в произведении дан блестящий портрет литературного критика Ю.И. Айхенвальда.

В письме от 20 августа 1912 г. Русов впервые сообщил Розанову о желании написать о нем книгу: «Что Вы скажете, Василий Васильевич, если придать брошюре — я рассчитываю написать листов 10, — если придать ей полемический характер и озаглавить “Кто же такое, наконец, В.В. Розанов?” Вообще в таком роде. Взять исходным пунктом “Уединенное” и отсюда идти вглубь, вплоть до “О понимании”, именно все с точки зрения современности. И я думаю вращаться только в сфере философии, религии, литературы» [2, л. 15].

В письме от 24 сентября 1912 г. Русов делился новостями о работе над новой книгой: «Написал к брошюре об Вас вводную главу (об “Уединенном”), я говорю: кто же В.В. Розанов? Либерал или консерватор? Анархист или революционер? (Розанов и то, и другое, и третье, и четвертое (как и Достоевский))» [2, л. 19]. В этой реплике биографа следует обратить внимание на определение «анархист». Русов долгие годы был подвержен искушениям данного политического учения.

Письма Русова весны — осени 1912 г. наполнены благодарными признаниями за полученные книги Розанова и статьи о нем, которые должны были помочь в работе над исследованием о Розанове: 11 апреля — за «Уединенное» (1912), 28 июля — за «О понимании» (1886), 10 сентября — за «Библейскую поэзию» (1912), «Л.Н. Толстого и Русскую Церковь» (1912) и газетные вырезки со статьями Н.Н. Страхова и В.П. Буренина о первой книге Розанова, 24 сентября — за «Итальянские впечатления» (1912), «Когда начальство ушло...» (1910), «Природу и историю» (1900), «В мире неясного и нерешенного» (1901), «Семейный вопрос в России» (1903) и «Около церковных стен» (1906), 4 ноября — за «Людей лунного света» (1911) и осенью 1913 — за «Литературных изгнанников» (1913).

Русов послал Розанову второе издание романа «Озеро» (1912) с просьбой о рецензировании. Из следующего письма видно, что рецензия не появилась. «Меня не то, главным образом, огорчает, что Вы не хотите обо мне черкнуть (хотя Ваша заметка была бы величайшим праздником для моего писательского самолюбия), а то, что Вы, очевидно нисколько не цените меня, как писателя» [2, л. 24]. Только после этого увидела свет рецензия Розанова на роман «Любовь возвращается» (1913).

В середине мая 1913 г. Русов признавался Розанову, что из-за смены типографского оборудования в московском издательстве К.Ф. Некрасова выход его книги о Розанове с предполагаемым названием «В.В. Розанов — мыслитель и художник» сильно задерживается [1, л. 22]. В итоге книга так и не была издана. Местонахождение рукописи остается неизвестным.

Старшая дочь философа Т.В. Розанова вспоминала, что осенью 1917 г. Розанов часто ездил из Сергиева Посада к друзьям в Москву, «бывал и у писателя Русова. Оставался иной раз ночевать у него» [7, с. 78]. При письмах литератора к Розанову имеется характеристика, написанная философом: «Н.Н. Русов (странный какой-то; не понимаю, не знаю). Но Господь с ним. “Странными” иногда люди бывают от боли» [8, с. 479].

В литературном приложении к берлинской газете «Накануне» (1922, № 9, 16 июля) был опубликован доклад Н.Н. Русова «Розанов и Достоевский», прочитанный 7 ноября 1921 г. в Москве во Всероссийском союзе писателей. Автор доклада вспоминал, что впервые был у Розанова в Петербурге в 1912 г. на Звенигородской улице. «Этот первый визит к Розанову, — пишет Русов, — описан мною в романе “Золотое счастье”, и это описание воспроизведено Э.Ф. Голлербахом в его книге о Розанове» [9, с. 8].

Утром 7 октября 1918 г., накануне памяти преставления Сергия Радонежского, Н.Н. Русов приехал в Сергиев Посад к В.В. Розанову и весь день беседовал с ним о Достоевском и русской литературе. «Розанов считал самого Достоевского атеистом. Достоевский не имел веры, он только ее испуганно жаждал, с великой тоской отчаянного атеиста. Вера Достоевского скорее жажда веры <...> В легенде о Великом Инквизиторе, этом глубочайшем слове, какое когда-либо было сказано о человеке и жизни, так непостижимо сплелся ужасающий атеизм и глубочайшая, восторженная вера. Из людей никто так глубоко, по словам Розанова, не спускался в душу человеческую, как Достоевский, и никто не открыл в ней так много неожиданно нового, странного, непостижимого. Никто не знал о человеке и не предугадал в будущем так много, как он» [9, с. 9].

В письме 8 октября 1918 г. Розанов поделился давно волновавшими его мыслями о создании Словаря русских философов с юным искусствоведом и еще одним своим биографом Эрихом Федоровичем Голлербахом (1895–1942). Молодого литератора философ считал первым конгениальным себе писателем, принявшимся за серьезную работу над составлением его творческой биографии.

В молодом издателе Георгии Адольфовиче Лемане (1887–1968), заинтересовавшемся идеей подобного словаря, Розанов встретил полного единомышленника. Философу представилась в его облике «личность нравственно гениальная, абсолютно чистая и бескорыстная... скромнейший, милый, удобный человек <...> “наш весь русский”» [10, с. 377].

Как постоянный участник современного литературного процесса, Розанов видел всю сложность воплощения подобного проекта в жизнь и был уверен, что это непосильно одному человеку из-за гигантских кропотливых работ по детализации собираемых материалов. При этом он был убежден в абсолютной востребованности задуманной работы, ее скорейшей окупаемости и даже материальной выгоде от реализации подобного проекта.

Встреча с Леманом подтвердила, что идея подобного словаря давно витает в воздухе, и он увидел в этом некий мистический поворот в реализации своей мечты.

Накануне, во время совместной поездки из Сергиева Посада с Русовым для остановки у него на ночлег в московской квартире, для Розанова внезапно выяснилось, что «среди беллетристики, “сумасшествия” и прочее... [Н.Н. Русов] занят внимательно-превнимательно именно идеею *Словаря русских философов*, привнося к идее этой следующие целесообразные поправки: “Нужно писать не *словарь философский*, а *словарь философов*, п. ч. именно в философии, как и в поэзии или беллетристике, *мастер выше мастерства*, мастер куёт статую, и самая техника статуи гораздо меньше стоит, чем душа творца”» [10, с. 377].

Философ выступил посредником между вынашивавшим идею словаря Русовым и мечтавшим воплотить ее в жизнь издателем Леманом. «“Если бы Леман сказал мне, что он непременно этот издаст, то я в эти же дни начал бы работу, взяв себе Гилярова-Платонова, взяв Страхова, стал бы искать помощников и сотрудников себе, и кое-какие талантливые студенты Духовной Академии и Университета — у меня уже намечены. Например, *для Вас я, конечно, взял бы Голлербаха* (курс. авт. — А.Л.). Пожалуйста, уведомите меня, чтобы он выслал о Вас книгу”, — на эти слова [Н.Н. Русова], переданные мною Леману, сей благородный юноша сказал: “Конечно, я напечатая эту книгу”» [10, с. 377].

В прощальном письме друзьям, продиктованном 7 января 1919 г. младшей дочери Н.В. Розановой, Розанов выразил благодарность Леману «за помощь и великодушие... и глубоко надеюсь: от Лемана большое возрождение для России» [11, с. 683].

Из подробного описания истории зарождения замысла справочного издания о русских философах, изложенного Розановым Голлербаху, который, по утверждению Русова, «сейчас же заразился нашей идеей и примкнул к организации *Словаря*» [12], важнейшим свидетельством является признание Русова, что он готов отказаться от подробного составления очерка жизни и творчества философа в пользу уже написанной работы своего приятеля Голлербаха «В.В. Розанов. Личность и творчество» (1918).

Работу над будущим словарем впервые анонсировал в печати Голлербах. «В Москве готовится к печати “Словарь русских философов”. <...> среди современных писателей есть подлинные творцы философии: С.А. Булгаков, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, кн. Е.Н. Трубецкой, Н.О. Лосский, покойные В.В. Розанов, Влад. Эрн и др. “Словарь русских философов” выпускается под руководством Н.Н. Русова и Э.Ф. Голлербаха; участие в словаре примут и другие литераторы. (Интересно, что конкретики на момент появления заметки не было обозначено. Кто именно примет участие? — *А.Л.*). В основу издания взяты новые материалы, автобиографии и пр. Появление в свет первого выпуска “Словаря” задерживается пока различными техническими затруднениями» [13]. Главное из них — арест издателя.

В современной двухтомной антологии воспоминаний современников о В.В. Розанове ее составитель В.Г. Сукач воспроизвел ровно половину первой статьи Н.Н. Русова о замысле словаря философов. Творческий замысел родился на свет осенью 1918 г., когда писатель и философ, сидя в темном и холодном вагоне поезда, беседовали о русской философии, и тогда появилась мысль привести в порядок весь рассеянный материал о русских философах, «подвести итоги, и тогда самобытный и многоцветный облик русской философии сам обратит на себя удивленное внимание просвещенного человека. “Словарь русских мыслителей” был задуман нами совместно. В.В. Розанов загорелся этим планом» [14]. На этом очерк воспоминаний в антологии обрывается. Было бы интересно привести более подробные сведения о замысле. Издание должно было включать в себя биографии, автобиографии, статьи и библиографию русских мыслителей. «В настоящее время уже написаны очерки о многих писателях», — заверял читателей позднее Н.Н. Русов, в том числе имея в виду очерк Э.Ф. Голлербаха о В.В. Розанове.

Воплощая идею словаря в жизнь, Русов не ограничился многообещающей фразой, что лишь «предварительный список по алфавиту

заключает не одну сотню имен», но, анонсируя уже проделанную работу, подчеркнул значимость будущего издания расширенной детализацией состава имен философов, согласованных инициаторами для дальнейшей работы [15, с. 13].

В следующей статье составитель словаря уже приводит предварительный список имен мыслителей из сфер философии, социологии, религии и юриспруденции, предполагавшихся для включения в словарь. Это К.С. Аксаков, С.А. Алексеев (Аскольдов), Н.Н. Алексеев, М. Аксенов (опыт математической философии), Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А. Богданов, П.П. Блонский, А. Бухарев, А.Л. Волынский, Н.Д. Виноградов, Александр Введенский, Алексей Введенский, В.П. Вышеславцев, Ник.А. Васильев, М.О. Гершензон, Н.П. Гиляров-Платонов, Н.Н. Глубоковский, Н.Г. Дебольский, Н.Я. Данилевский, С.Н. Дурылин, К.Ф. Жаков, А. Закржевский, Вл.Н. Ивановский, Вяч. Иванов, И.А. Ильин, Вл.А. Кожевников, Н.И. Кареев, И.В. Киреевский, М.И. Каринский, В.М. Каринский, П.А. Кропоткин, В.Д. Кудрявцев-Платонов, А.П. Казанский, К.Д. Кавелин, Ф. Куклярский, А.А. Козлов, В.В. Лесевич, М.В. Ломоносов, Н.И. Лобачевский, П. Линицкий, Н.А. Любимов, П.Л. Лавров, Н.О. Лосский, И.И. Лапшин, Л.М. Лопатин, М.В. Лодыженский, К.Н. Леонтьев, Н.К. Михайловский, Сер. Машкин, И.И. Мечников, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, А. Маковельский, В.И. Несмелов, Н.Н. Неклюев, П.И. Новгородцев, арх. Никанор, Н.И. Новиков, кн. В.Ф. Одоевский, С.Ф. Ольденбург, Г.В. Плеханов, Н.А. Потебня, И.В. Попов, Л.С. Петражицкий, Н.И. Пирогов, Паршин, Э.Л. Радлов, Е.В. Де Роберти, В.В. Розанов, Вл.С. Соловьев, Тим.П. Соловьев (теория волевых представлений), Н.Н. Страхов, Ф.А. Стахов, Ю.Ф. Самарин, Г.С. Сковорода, Питирим Сорокин, А.И. Смирнов, В. Серебрянников, П.П. Соколов, М.М. Сперанский, П.Б. Струве, Л.Н. Толстой, С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой, М.М. Троицкий, А. Тихомиров, М.М. Тареев, К.Д. Ушинский, П.Д. Успенский, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, В.М. Хвостов, А.С. Хомяков, П.Я. Чаадаев, Б.Н. Чичерин, Г.И. Челпанов, Н.Г. Чернышевский, Л.И. Шестов, Г.Г. Шпет, Ф. Шперк, Ф.И. Щербацкий, Вл.Ф. Эрн, П.К. Энгельмейер, П.Д. Юркевич, Б.В. Яковенко, Феофан (Авсенеv) и Н.Ф. Федоров.

Приведя более сотни фамилий и утверждая, что весь предварительный список включает в себе не одну сотню имен, Русов подчеркнул это рядом сокращений после фамилий на первые и последнюю буквы алфавита. Но из обещанных читателям материалов к словарю сегодня известен лишь расширенный, дополненный и приближенный к задуманному оформлению материалов для будущего издания очерк Э.Ф. Голлербаха «В. Розанов. Жизнь и творчество» (1922).

Словарь так и не вышел в свет. В газете Лемана «Мир» от 6 октября 1918 г., благодаря упорству редактора, появилась последняя

из опубликованных при жизни статья Розанова «Наше словесное величие и деловая малость». После этого издание было закрыто. Розанов посетовал в письме Э.Ф. Голлербаху, что «редактор, по-видимому арестованный, не мог уплатить мне... гонорара» [10, с. 377].

Аресты коснулись не только Лемана. Голлербаха арестовали после длительной травли в печати. По сообщению его внука Е.А. Голлербаха, «во многих публикациях он определялся как “зарвавшийся идеалист”, “проводник буржуазной идеологии в искусствознании”, “самый махровый зубр эстетической реакции”» [16, с. 511, 512].

Сам Русов трижды подвергался арестам. Первый раз — в октябре 1919 г. за участие в Федерации анархистов, поскольку еще с 1904 г. считал себя анархистом. В заключении его продержали около двух месяцев. Второй раз — 20 июня 1927 г. Пробыл в заключении две недели. Тогда он сделал заявление, что по убеждениям он анархоиндивидуалист, но к любой нелегальной политической деятельности относится отрицательно. Третий раз он был арестован уже по делу об «Ордене Света» в ночь с 11 на 12 сентября 1930 г. «При обыске были изъяты рукописи, документы, переписка, а он сам помещен в Бутырскую тюрьму. Но уже 16 сентября 1930 г. после одного допроса Русов был освобожден, дав, как замечено, “письмо в печать о разрыве с анархизмом”» [17, с. 171, 172]. Постановлением Коллегии ОГПУ 13 января 1931 г. по делу «Ордена Света» дело Н.Н. Русова было прекращено, однако для него этот кратковременный арест обернулся тяжелейшими испытаниями в дальнейшем. После изгнания со службы и получения на руки «волчьего билета» литератор долгое время не мог найти работу.

Отношения первых биографов Розанова после кончины философа проходили испытание на прочность. После публикации Русовым в берлинской газете «Накануне» своей лекции «Розанов и Достоевский» Голлербах на страницах того же издания сделал резкое заявление в адрес публикатора с обвинением его в заимствованиях из переданной ему ранее собственной статьи на ту же тему. Он нашел «текстуальное повторение» собственных мыслей о Шатове, почерпнутых из беседы с В.В. Розановым и опубликованных им в «Летописи Дома литераторов» (№ 8–9) [18].

Русов предоставил объяснения, где в иронично-шутливой форме признал, что воспользовался схемой его статьи, поскольку чувствовал себя «в одних настроениях и помыслах с Голлербахом» до такой степени, что не различает «своего и Голлербаховского» и примирительно завершил предложением: «Не все ли равно, кто из нас первый сказал: Э!... И Вы так слышали, и я так слышал: ведь, Розанов-то один и тот же...» [19].

Тем не менее, в новых условиях революционного переустройства России личность Розанова оказалась неприемлемой для творцов

пролетарской культуры и все связанное с ней подвергалось остракизму. Возраставшая напряженность острых политических процессов в молодом государстве не позволила продолжить работу ни над словарем русских мыслителей, ни над биографией одного из них. В ходе проделанной работы были установлены многочисленные биографические параллели литераторов: от учебы по одной специальности в одном университете до увлечения идеями поздних славянофилов и почвенников.

Однако при обращении к эпистолярному наследию участников процесса написания творческой биографии Розанова удалось установить первенство в этом начинании Русова и приоритет в процессе окончательного литературного оформления и ее публикации Голлербаха. В романе «Золотое счастье», изданном в 1915 г., Русов пишет о пристальном тринадцатилетнем наблюдении за проявлениями неординарности души русского философа. Биограф первым отметил определяющее впечатление, производимое мыслителем: нечто гибкое и хаотичное, демонстрирующее стихийность самой души человеческой.

На последнем этапе работы над литературным воплощением образа знаменитого философа его творцы даже объединились при непосредственном участии самого Розанова вокруг идеи создания «Словаря русских философов». К сожалению, стремительное изменение приоритетов в литературном процессе и кончина знаменитого мыслителя отодвинули реализацию создания подобного словаря на многие десятилетия. Очерк о Розанове, тем не менее, успел увидеть свет, но был написан не Русовым, а Голлербахом, поскольку первоначальные наброски к его литературному оформлению были одобрены Розановым.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Богомолов Н.А. Русов Николай Николаевич. В кн.: П.А. Николаев, ред. *Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 5: П–С.* Москва, Большая Российская энциклопедия, 2007, с. 394–396.
- [2] *Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.* Ф. 249 (Архив В.В. Розанова), м. 4207, ед. хр. 1, 28 л.
- [3] Розанов В.В. Атеизм «с разрешения начальства»... *Собрание сочинений. В 30 т. Т. 22: Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г.* Москва, Алгоритм, Республика, 2006, с. 99, 100.
- [4] Розанов В.В. Годовщина В.О. Ключевского. *Собрание сочинений. В 30 т. Т. 22: Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г.* Москва, Алгоритм, Республика, 2008, с. 100–103.
- [5] Розанов В.В. Любовь возвращается. *Собрание сочинений. В 30 т. Т. 23: На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913–1915 гг.* Москва, Республика; Санкт-Петербург, Росток, 2007, с. 25.
- [6] Русов Н.Н. *Золотое счастье.* Москва, Труд, 1915, 190 с.

- [7] Розанова Т.В. Воспоминания Татьяны Васильевны Розановой об отце Василии Васильевиче Розанове и всей семье. В кн.: В.А. Фатеева, сост. *В.В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. В 2 кн. Кн. 1.* Санкт-Петербург, РХГИ, 1995, с. 45–87.
- [8] Ломоносов А.В. Корреспонденты В.В. Розанова (Биобиблиографические комментарии к записям В.В. Розанова на письмах, хранящихся в НИОР РГБ). *Записки отдела рукописей.* Москва, 2004, вып. 52, с. 479.
- [9] Русов Н.Н. Розанов и Достоевский. *Накануне. (Литературное приложение)*, 1922, № 9, 16 июля, с. 8.
- [10] Розанов В.В. Письма к Э.Ф. Голлербаху. *Собрание сочинений. В 30 т. Т. 10: В нашей смуте. Статьи 1908 г.* Москва, Республика, 2004, 429 с.
- [11] Розанов В.В. Письма друзьям. *О себе и жизни своей.* Москва, Московский рабочий, 1990, 876 с.
- [12] Русов Н.Н. Словарь русских мыслителей. *Вестник литературы (Петроград)*, 1922, № 1, с. 17.
- [13] Голлербах Э.Ф. Словарь русских философов. *Жизнь искусства (Петроград)*, 1919, 2–3 августа, с. 2.
- [14] Русов Н.Н. Словарь русских мыслителей. *Василий Розанов глазами современников. В 2 т. Т. 1.* Санкт-Петербург, Росток, 2022, 528 с.
- [15] Русов Н.Н. О Словаре русских мыслителей. *Жизнь искусства (Петроград)*, 1922, № 1, с. 13.
- [16] Голлербах Е.А. Комментарий к книге Э.Ф. Голлербаха. *Встречи и впечатления.* Санкт-Петербург, Инапресс, 1998, с. 511–512.
- [17] Орден российских тамплиеров. *В 3 т. Т. II: Документы 1930–1944 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина.* Москва, Минувшее, 2003, 376 с.
- [18] [Письмо] Э.Ф. Голлербах — Н.Н. Русову. *Накануне. (Литературное приложение)*, 1922, № 14 (к № 12), с. 12.
- [19] [Письмо] Н.Н. Русов — Э.Ф. Голлербаху. *Накануне. (Литературное приложение)*, 1922, № 14 (к № 12), с. 12.

Статья поступила в редакцию 31.10.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Ломоносов А.В. Н.Н. Русов в процессе работы над творческой биографией В.В. Розанова (по материалам Отдела рукописей РГБ). *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 5. EDN ZNIFQX

Ломоносов Алексей Васильевич — канд. истор. наук, научный сотрудник Сектора изучения особо ценных фондов Центра изучения проблем развития библиотечного дела в информационном обществе Российской государственной библиотеки. e-mail: lomonosov-1962@yandex.ru

**N.N. Rusov's work on the creative biography
of V.V. Rozanov (based on materials from
the Collection of Manuscripts of the Russian State Library)**

© A.V. Lomonosov

Russian State Library, Moscow, 119019, Russia

The paper identifies priority of the writer V.V. Rusov's work on the creative biography of the famous philosopher V.V. Rozanov using materials from the Rozanov archive at the Collection of Manuscripts of the Russian State Library. Rusov's letters indicate details in the process of creating the biography. An attempt is made to determine Rusov's professional affiliation. The paper indicates parallels in the lives of the biographer and his research object. It traces chronology in the development of relations between the writers. The time frames, when the writer received books by V.V. Rozanov from the author for creating the biography, are indicated. N.N. Rusov, along with V.V. Rozanov, was one of the initiators of the collective work on the unfinished Dictionary of Russian Thinkers. Facts are provided on the process of starting work on the Dictionary publication. The moments, when the second V.V. Rozanov's biographer E.F. Gollerbach and the publisher G.A. Lehman were included in work, are traced. The paper notes an element of rivalry between the thinker's biographers.

Keywords: N.N. Rusov, V.V. Rozanov, philosopher's biography, Dictionary of Russian Thinkers, E.F. Gollerbach, G.A. Lehman

REFERENCES

- [1] Bogomolov N.A. Rusov Nikolay Nikolaevich. In: P.A. Nikolaev, red. *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar. T. 5: P–S* [P.A. Nikolaev, ed. Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary. Vol. 5: P–S]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ., 2007, pp. 394–396.
- [2] *Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteka* [Collection of Manuscripts of the Russian State Library]. Coll. 249 (Archive of V.V. Rozanov), aids 4207, item 1, 28 p.
- [3] Rozanov V.V. Ateizm s "razresheniya nachalstva"... [Atheism "with permission of the authorities"...]. In: *Sobranie sochineniy. V 30 t. T. 22: Priznaki vremeni. Statyi i ocherki 1912 g.* [Collected works. In 30 vol. Vol. 22: Signs of time. Articles and essays of 1912]. Moscow, Algoritm, Respublika Publ., 2006, pp. 99–100.
- [4] Rozanov V.V. Godovschina V.O. Klyuchevskogo. [The anniversary of V.O. Klyuchevsky]. In: *Sobranie sochineniy. V 30 t. T. 22: Priznaki vremeni. Statyi i ocherki 1912 g.* [Collected works. In 30 vol. Vol. 22: Signs of time. Articles and essays of 1912]. Moscow, Algoritm, Respublika Publ., 2008, pp. 100–103.
- [5] Rozanov V.V. Lyubov vozvrashaetsya [The love is coming back]. In: *Sobranie sochineniy. V 30 t. T. 23: Na fundamente proshlogo. Statyi i ocherki 1913–1915 gg.* [Collected works. In 30 vol. Vol. 23: On the foundation of the past. Articles and essays of 1913–1915]. Moscow, Respublika Publ., Saint Petersburg, Rostok Publ., 2007, p. 25.
- [6] Rusov N.N. *Zolotoe schastye* [The golden happiness]. Moscow, Trud Publ., 1915, 190 p.

- [7] Rozanova T.V. Vospominaniya Tatyany Vasilievny Rozanovoy ob ottse Vasili Vasilieviche Rozanove i vsej semye [Memoirs of Tatyana Vasilievna Rozanova about her father Vasily Vasilyevich Rozanov and the whole family]. In: V.A. Fateeva, sost. V.V. Rozanov: *pro et contra: Lichnost i tvorchestvo Vasiliya Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya* [V.A. Fateeva, comp. V.V. Rozanov: Pro et Contra: Vasily Rozanov's personality and works in evaluation of the Russian thinkers and researchers: Anthology]. In 2 books. Books 1–2. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1995, pp. 45–87.
- [8] Lomonosov A.V. Korrespondenty V.V. Rozanova (Biobibliograficheskie kommentarii k zapisyam V.V. Rozanova na pismakh, khryanyashchikhsya v NIOR RGB) [V.V. Rozanov's Correspondents (Bibliographic comments to the records of V.V. Rozanov on the letters stored in the Collection of Manuscripts of the Russian State Library)]. *Zapiski otdela rukopisey — Notes of the Collection of Manuscripts*, 2004, iss. 52, p. 479.
- [9] Rusov N.N. Rozanov i Dostoevskiy [Rozanov and Dostoevsky]. *Nakanune. (Literaturnoe prilozhenie) — Nakanune (Literary supplement)*, 1922, no. 9, 16 July, p. 8.
- [10] Rozanov V.V. Pisma k E.F. Gollerbakh [Letters to E. F. Gollerbach]. In: *Sobranie sochineniy. V 30 t. T. 10: V nashey smute. Statyi 1908 g.* [Collected works in 30 vol. Vol. 10: In our turmoil. Articles of 1908]. Moscow, Respublika Publ., 2004, 377 p.
- [11] Rozanov V.V. *Pisma druzyam, O sebe i zhizni svoey* [Letters to friends. On me and my life]. Moscow, Moskovskiy Rabochiy Publ., 1990, 876 p.
- [12] Rusov N.N. Slovar russkikh mysliteley [Dictionary of Russian Thinkers]. *Vestnik literatury — Bulletin of Literature*, Petrograd, 1922, no. 1, p. 17.
- [13] Gollerbach E.F. Slovar russkikh filosofov [Dictionary of Russian Philosophers]. *Zhizn iskusstva — Life of Art*, Petrograd, 1919, August 2–3, p. 2.
- [14] Rusov N.N. Slovar russkikh mysliteley [Dictionary of Russian Thinkers]. *Vasiliy Rozanov glazami sovremennikov* [Vasily Rozanov through the eyes of his contemporaries]. In 2 vol. Vol. 1. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022, 528 p.
- [15] Rusov N.N. O Slovare russkikh mysliteley [On the Dictionary of Russian Thinkers]. *Zhizn iskusstva — Life of Art*, Petrograd, 1922, no. 1, p. 13.
- [16] Gollerbach E. Kommentariy k knige E.F. Gollerbakha [Comments to the book by E.F. Gollerbach]. In: *Vstrechi i vospominaniya* [Meetings and Impressions]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1998, pp. 511–512.
- [17] Orden rossiyskikh tamplierov [The Order of Russian Templars]. *V 3 t. T. II. Dokumenty 1930–1944 gg. Publikatsiya, vstupitelnye statyi, kommentarii, ukazatel A.L. Nikitina* [In 3 vols. Vol. II. Documents of 1930–1944. Publication, introductory articles, comments, index by A.L. Nikitin]. Moscow, Minushee Publ., 2003, 376 p.
- [18] Pismo E.F. Gollerbakh — N.N. Rusovu [Letter from E.F. Gollerbach to N.N. Rusov]. *Nakanune. (Literaturnoe prilozhenie) — Nakanune. (Literary supplement)*, 1922, no. 14 (to no. 12), p. 12.
- [19] Pismo N.N. Rusov — E.F. Gollerbakh [Letter from N.N. Rusov to E.F. Gollerbach]. *Nakanune. (Literaturnoe prilozhenie) — Nakanune. (Literary supplement)*, 1922, no. 14 (to no. 12), p. 12.

Lomonosov A.V., Cand. Sc. (History), Researcher, Sector for Study of the Especially Valuable Funds, Center for Study of the Library Development Problems in the Information Society, Russian State Library. e-mail: lomonosov-1962@yandex.ru